

Марина Ладынина — последняя суперзвезда советского кино — накануне своего дня рождения дала интервью. Интервью Марина Алексеевна давать не любит — даже сейчас, когда с телеэкрана не сходят ее фильмы. Их немного, но каждый был прямым попаданием «в яблочко»: «Богатая невеста», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки», «В шесть часов вечера после войны»... Когда вспоминаешь фильмы Ладыниной и облик актрисы, утонченный, даже несколько аристократичный, хотя она играла больше всего героинь из колхозной жизни, кажется, что должна была она вырасти в старинной интеллигентной семье с давними театральными традициями, с портретами великих актеров на стенах, с книжными полками, прогибающимися под тяжестью шедевров мировой литературы. А на самом деле?

— Я РОДИЛАСЬ в небольшой сибирской деревне Назарово близ города Ачинска Красноярского края, — говорит МАРИНА ЛАДЫНИНА в начале беседы. — Мама была совсем неграмотная, отец — малограмотный. Я же с детства очень любила читать, и у меня была потребность рассказывать прочитанное. Помню зимнее крыльцо и мы с ребятами сидим под лавкой, чтобы ветер не дул, и я рассказываю. Возвращаясь в дом, я продолжала читать свои любимые книги. Читала при керосиновой лампе, иногда при отблеске огня из печки, пока не догорят последние угольки... Однажды, вот так зачитавшись, я забыла вовремя вынуть хлеб из печки. Когда пришла мама, мне сильно досталось за мою неумную страсть к чтению.

— Каковы истоки любви к актерскому искусству?

— Мне кажется, я родилась с желанием стать актрисой. Без меня не обходился ни один детский праздник, юбилейный вечер, любительский спектакль. Я играла на балалайке в оркестре народных инструментов, пела, плясала... Когда на базарной площади выступали цыгане, я выскакивала из толпы зрителей и плясала вместе с ними.

— Расскажите о первых артистических впечатлениях, ощущениях

— Мы жили тогда в Елабуге.

МАРИНА ЛАДЫНИНА: «ЖИТЬ НАДО С ВОСТОРГОМ»

Замечательная актриса признается, что дружба — это единственное, что никогда ей не надоедало

Независимая газ. — 2001 — 16 июня — с. 9, 11

Марина Ладынина на I Каннском фестивале с Борисом Чирковым (второй слева) и Галиной Водяницкой (крайняя справа). Франция, 1946 г.

Местная богатая купчиха организовала в благотворительных целях детский спектакль. Назывался он «Птичий переполох», и в нем было занято очень много детей, которые играли разных там птичек, жучков, паучков... Меня она выбрала на главную роль — «Весны». Специально для

спектакля было шито роскошное платье, которое укладывалось в красивую коробку, домой его брат не разрешалось.

Помню, как после «премьеры» я стояла за кулисами на столе (мама меня переодевала) и горько плакала. Ко мне подходили родители других детей и спраши-

вали: «А почему наша «Весна» плачет?» А я отвечала: «Я неправильно такие-то слова сказала». После этого спектакля я получила и свои первые в жизни цветы... По соседству с нашим домом находился особняк местного «короля» аптек, и мы с ребятами часто стояли около чугунной

ограды его сада и смотрели, как богатые дети играют в крокет. На второй день после спектакля, когда мы вот так же стояли и смотрели, из глубины сада к нам подошел сын хозяина, Вова Батеркамф, и протянул мне сквозь прутья ограды одну розу. Было мне тогда 6 лет.

В городе Ачинске, где я заканчивала школу, было прекрасное здание на берегу реки Чулым — старый драматический театр. Кроме постоянной труппы, на его сцене часто выступали гастролеры, и меня иногда приглашали на подмену заболевших или не приехавших артистов. В

городе каждый раз расклеивали афиши, и я с наслаждением прочитывала на них свою фамилию. Нередко после спектакля режиссеры звали меня уехать с их коллективом... Но, несмотря на то, что все помыслы и устремления моего детства и юности были направлены к сцене, театру, я твердо знала: этого делать нельзя. Для того чтобы стать настоящей актрисой, надо учиться.

— Как же вы поступили в ГИТИС?

— Сначала у меня не было ни возможности, ни представления — как это сделать. Нас в семье было четверо детей, я — старшая, и с ранних лет мне приходилось не только помогать матери по хозяйству, но и стараться зарабатывать в дом лишнюю копейку... Поэтому, окончив девятилетку с педагогическим уклоном, я поехала в степную деревню сельской учительницей. Но желание стать актрисой, по счастью, меня не покидало, и спустя три года я приехала в Москву на третьей полке плацкартного вагона.

В ГИТИС меня приняли сразу как «особо одаренную», освободив от сдачи общеобразовательных предметов. Мечта моя осуществилась, когда, окончив институт, я была зачислена в труппу Московского художественного театра.

— И каковы были ваши первые роли и первые фильмы?

— Я еще училась в ГИТИСе, когда знаменитый в то время режиссер Желябужский пригласил меня на эпизодическую роль в своем новом фильме «Просперити». Это была роль слепой цветочницы. Мои съемки продолжались буквально один день. «Тебе ничего не придется особенно делать», — говорил режиссер, — так: немного постоишь перед аппаратом, скажешь несколько реплик, тебя шелкнут — и все! Каково же было мое удивление, когда в день премьеры фильма я обнаружила у входа в кинотеатр «Колосс» ог-

ромный рекламный щит с моим изображением.

В последующие дни я часами стояла у этого плаката в надежде, что прохожие меня узнают. Я даже пристраивалась к нему как будто невзначай лицом к смотрящим, но меня все равно никто не узнавал. Ребята в общежитии, зная это, спрашивали, смеясь: «Ну что, Ладынина, узнал тебя кто-нибудь сегодня или нет?»

Дело в том, что я никогда не хотела и не мечтала быть киноактрисой. После «Просперити» меня приглашали сниматься многие кинорежиссеры. В том числе и такие известные, как Игорь Савченко и Юлий Райзман, у которого, кстати, любая актриса после первого же фильма становилась знаменитой. Но с кинопроб у Райзмана на главную роль в фильме «Летчики» я... ушла, не дождавшись их окончания, так как опаздывала в театр на репетицию. (После этого случая Юлий Яковлевич говорил, что «у этой белокурой плохой характер»). Кино и экран в то время не занимали моего воображения, и на участие в киносъемках я смотрела как на проходящие эпизоды моей творческой жизни. И только в 1935 году, когда у меня оказалось немного свободного времени, я сыграла очень интересные драматические роли сразу в двух картинах: «Вражья тропа» И. Правова и «Преображенской и «Застава у Чертова брода» режиссера Билинского.

Возможно, меня «узнали» бы и после этих двух картин, особенно после «Заставы», где мои съемки были очень эффективны, но фильм по идеологическим соображениям запретили к широкому показу, а во время войны и вовсе потеряли...

— Как складывались у вас отношения с МХАТом?

— Оба раза отпрашиваясь на съемки я приходила к В.И. Немировичу-Данченко. Он отпускал меня со словами: «Ну, что же, сниматься надо иногда, зарабатывать там, и все такое. Но никогда не забывайте, что вы — наша, никогда не бросайте театр». Я и не собиралась этого делать, тем более что из вспомогательного состава меня перевели в переменный, я начала репетировать серьезные драматические роли — Шурка в «Достигаеве», Земфира в пушкинских «Цыганах» — и, как я узнала позже, сам Станиславский писал своей сестре: «Как там Ладынина? В ней я вижу будущее МХАТа...» Но жизнь распорядилась иначе...

— Как распорядилась?

— К середине 30-х годов в Москве закрыли театры: Корша, имени Мейерхольда, 2-ю студию МХАТа... Многие актеры, талантливые и знаменитые, (Окончание на стр. 11)

ВРЕМЯ И МЕСТО

(Окончание. Начало на стр. 9)
перешли в Художественный театр. Там начались уже свои бои, образовались разные группировки... Станиславский говорил мне: «Этот театр уже не мой».

Помню слова руководителя нашего курса в ГИТИСе А.П. Питровского: «Ничто не проходит так быстро, как время. Если у вас долго нет настоящей работы, — уходите в другое место, ищите». Я подписала договор на главные роли в режиссером Юрием Завальским. Он на базе МХАТа организовал новую студию и должен был уехать с ней в Ростов.

Но именно в тот день, на который был назначен выезд, меня забрала на Лубянку. Возникли серьезные проблемы с НКВД, и мне было сказано, что ни во МХАТе, ни у Завальского я работать не буду. Студия уехала без меня... Всякие бывают ситуации в жизни, всякие, которые нарочно не придумаешь. Отдельный человек может сам себе изуродовать жизнь, надо говорить и об этом. А тут эпоха уродовала мозги и жизнь у целого огромного народа.

Я была совершенно без работы и без денег. Чтобы было на что жить, я брала у знакомых что-нибудь поспать, ставила с домработницами к праздникам домашние спектакли... В это время я и встретила Пыррева, и мне показалось, что я смогу опереться на его плечо. Он увлек меня не съемками, не красотой, а своей любовью. Он умел сделать счастливым очень... Мы случайно встретились у наших общих друзей. В первый же вечер, провожая меня домой, Пыррев сказал, что любит меня и хочет, чтобы я стала его женой... И не оставил в покое ни на один день до тех пор, пока не привез в Киев на съемки «Богатой невесты».

— Не препятствовали вашему отъезду в Киев?

— Разрешили Пырреву. Он перед этим поставил «Партийный билет», фильм который очень понравился руководству и имел широкий прокат по всей стране. А мне было сказано, что я напрасно пытаюсь спрятаться за его спиной и что в Киеве у них тоже есть «свои люди»... (Так на самом деле и оказалось, а «участие» НКВД в моей жизни закончилось совсем по другим причинам...) Впоследствии я снялась во многих фильмах Ивана Пыррева, но творчески наполнение, дающее актеру от Бога талант, не было у меня удовлетворено этими ролями. Были они, в основном, комедийные и, в общем-то, довольно однообразные, хоть и трудоемкие. А я — актриса лирико-драматического склада, и мне очень хотелось играть, например, Нину в «Маскараде», Катерину в «Грозе» — не пришлось... В.И. Немирович-Данченко, помня меня по МХАТу, говорил Пырреву: «Вы портите нам хорошую актрису. Она играет у вас не те роли». Но... он был мой муж, и я его любила, да и картин тогда снималось мало...

— Как отнеслись к вам Пыррев во время кинематома?

— Мы ничем им не акцентировали, и я старалась без необходимости не попадаться ему на глаза. Мне и доставалось, наверное со всеми. И только после съемок, когда мы возвращались домой, Пыррев говорил мне в машине: «Ну, здравствуй, мы сегодня еще не виделись с тобой». Иван Александрович вообще в работе был человек сдержанный, безжалостный к себе и к другим. В фильме «В 6 часов вечера после войны» я чуть не сорвала голос. Тональность высокая, для меня неудобства одного актера, если в этой тональности поет хор и играет оркестр? Кроме того, в наших творческих взаимоотношениях сыграло свою роль и еще одно обстоятельство. Мне очень нравится афоризм, принадлежащий одному из крупных режиссеров: «Я не хотел бы снимать свою жену, так как не смог бы прощать ей недостатки и не замечал бы достоинств». Я не могу сказать, что Иван Александрович не замечал моих достоинств, иначе он просто со мной не стал бы работать. Но сниматься в его картинах мне было непросто. Тем приятнее было получить от не-

го (через год после выхода фильма «Свинарка и пастух» телеграмму: «Сегодня смотрел «Свинарку». Оказывается, ты очень хорошо играешь».

Да, на съемочной площадке Иван Александрович действительно бывал иногда промподобен. Но, во-первых, чаще всего это относилось не к актерам, а к организаторам съемок, за которых мне, все-таки пользуясь своим семейным положением, приходилось иногда заступаться. А во-вторых, Иван Александрович обладал паразитической интуицией и безошибочно угадывал: на кого его окрик окажет подталкивающее действие, а на кого — наоборот. Я помню, как во время съемок фильма «Любимая девушка» Фаина Раневская в течение нескольких дней, приходя на съемочную площадку, только и делала, что подробно рассказывала Пырреву о том, что у нее болей живот, она плохо спит, у нее оторвались набойки на всех туфлях и так далее и тому подобное. Пыррев терпеливо ее слушал и ни разу не перебил.

рисовны Белявской. (С ней, кстати, в то же самое время снималась только начинающая тогда Тамара Синявская.)

У меня были педагоги и до нее... и был голос, но... я не могла им владеть настолько, чтобы его показать, и когда я пела, то ушами следила за тем, как он звучит. Белявская сначала не хотела меня брать. «Мариночка, — говорила она, — это ведь очень нудная вещь. Вы — уже апробированная актриса, в опере вам не работать, у вас успех в своей профессии...»

После ее занятий я все равно не была оперной певицей, но выразительность текста стала у меня главной, я могла легко петь для себя самой, меньше уставала. И когда в концерте зааплодировали моим романсам — я была счастлива... Если бы не Дора Борисовна, я бы содрала голос — так много я выступала, моталась по всему белому свету...

Был конец 40-х годов... Я шла со знакомым режиссером театра по улице и говорила о своем страстном желании ра-

— Вы состоите в штате Театра киноактера?

— Нет. В начале 90-х годов в театр, с благословения наших парткомовцев, пришло новое руководство, которое уволило меня по 33-й статье (за прогул без уважительной причины). Но это уже — тема другого разговора...

— Каковы ваши отношения с телевидением?

— Я не то чтобы боюсь разрушить... свой кинообраз. Просто — столько лет прошло. Много раз меня звали рассказать обо всем, но артист не должен жаловаться зрителю. (Жестоко и несправедливо разлучали с искусством не меня одну, я не должна жаловаться, я получила и получаю до сих пор — когда выступаю, в письмах — больше любви, больше, чем сделала в искусстве.) Жить надо с восторгом. И сегодняшняя жизнь мне гораздо интереснее, чем прошлая.

— Как вы объясните любовь к вам зрителя?

— Я думаю, что зрители меня полюбили за... мою любовь к

Мною всю жизнь владела страсть к познанию — на свете столько интересного. Я стала вникать в существо вещей и, не получив настоящего образования, прослыла эрудитом. Я училась у каждого человека, с которым общалась, — это были мои университеты. Поэтому мне никогда не было скучно, у меня всегда находилось много тем для размышлений. Жалко, что я не стала писательницей. Я, например, очень любила писать письма. (Даже малознакомым людям.) Они у меня всегда были длинные, на несколько страниц.

— Нынче престижно написать книгу своих воспоминаний...

— Я долго не могла взяться за книгу, думала: что же мне мешает? И только потом поняла... Я не считала свою личность настолько выдающейся, чтобы всерьез думать о написании книги. Меня никогда не увлекали исключительные какие-то условия, особое, в чем-то преувеличенное, внимание окружающих. Моемое сейчас слово «престижный» не привлекало,

ков... получили за свои (и чужие) заслуги всевозможные регалии, награды и премии. И то, что их нескромностью зачастую граничит с пошлостью и бесстыдством — люди уже не задумываются над этим — ведь, добившись всего, «нескромные» стали «исключительными». Что же, наверное, это — правильно... Потому что в жизни надо... побеждать. Но я спрашиваю себя: счастливы ли эти люди тем, к чему они так стремились? Выжимание из всех максимумов все равно жизнь не делает. Жизнь делает собственную дугу.

— Что можно считать вашей большой победой в жизни?

— В последнее время я много думаю о том, как трудно мне было остаться самой собой. И то, что мне все-таки удалось, считаю своей самой большой победой. Я не богата. Нет. Но дело не в том, что у меня ничего нет, — все равно я считаю себя счастливой. Я по-прежнему живу поэзией. Я стихами могу сказать о себе, о своих несчастьях, радостях больше, чем мо-

Кадр из фильма «Секретарь райкома» (1942).

знакомилась много лет назад и потом часто встречались на больших приемах. И каждый раз, когда встречались, он говорил: «Я хочу вас поцеловать». Тамару Макарову, например, он

шей стране может произойти то же самое, что и в Венгрии, и у нас тоже будут вешать... Так что, в общем, ему показались: мало у нас арестовывали и все такое...

Когда я читала это обращение, то обратила внимание на подписи. Там было две фамилии, Константин Симонов и Илья Эренбург.

Закончив читать, я молча переладала письмо мужу... «Ну что же, если нас повесят, то хоть в хорошей компании».

Вучетич ушел ни с чем... Позже Иван рассказывал нашим друзьям, что в тот момент подумал: «Если я сейчас подпишу, то Маша начнет собирать чемоданы, мне надо будет ее уговаривать, стоять на коленях, говорить, что я без нее жить не могу, — и решил, что все это будет для меня слишком хлопотно и лучше все-таки до этого не доводить».

И хотя у него были и другие, как и у меня, гражданские мотивы для отказа, но правда и то, что почти все время, что мы были вместе, Иван — человек очень властный и самодовольный — прислушивался к моему мнению и высоко его ценил. Для него, например, достаточно было моего присутствия в зале, чтобы он отказался от чтения доклада, в котором «ра-

«вылепил», скульптура стоит в Третьяковке. А я отвечала: «Некогда мне» — то на гастроли уезжала, то занималась семьей. Я вообще не стремилась, говорить современным языком, делать себе лабисити.

Шли годы. Мы вновь встречались, и он все спрашивал: «Когда же я буду вас делать из бело-розового мрамора?» —

«...Я родилась с желанием стать актрисой».

«Теперь надо бы в сером!» — острела я.

Однажды в каком-то городе Вучетич попал на мое выступление. Потом появился в гостинице и восторженно произнес: «Билеты на ваш концерт нужно покупать втройне, один, чтобы увидеть вас, а второй — чтобы настлать там, как искрени вы на сцене!» — в общем, сделал мне тогда серьезные комплименты. А потом опять исчез, и мы долго не встречались.

И вот как-то в нашей квартире на Мохайском шоссе раздался звонок: «Это Вучетич. Разрешите зайти? Я у васшего подъезда». А до этого он никогда у нас не был. И уточняет: «Муж дома?» А за несколько дней до этого звонка мы с Иваном Пырревым — супругом Марины Ладьиной. — Ренд должны были уехать в командировку в Венгрию. У нас уже были сложные чемоданы, но мы получили отказ — в Венгрии только что произошло восстание, был 1956 год, и правительство нашей страны не гарантировало нашу безопасность. (Позже я побывала там с эстрадной группой, мне много рассказывали о восстании, о том, как подавили его наши десантники... Я видела площадь в Будапеште, где произошли главные события.)

Итак, я говорю Ивану о звонке Вучетича. А он терпеть не мог, чтобы приходили люди. Но человек просит, я не могла сказать, что нельзя. «Черт с ним», — отвечает, — пусть заходит! Мы жили замкнуто, не по-светски, наслаждались покоем в нашем доме, который был нам очень приятен. И пока Иван не вступил в партию, а он поздно вступил, в середине 50-х, и не начал заниматься всеми этими общественными делами, нам было очень уютно в нашем, и наша семейная жизнь была для нас лучшим временем нашей жизни...

Предлагаю гостю чай, кофе. «Нет-нет, я — по делу», — и подает мне письмо, которое он привез в надежде, что мы его подпишем. Это было Обращение к правительству о том, что пора начать «завинчивать гайки» и покрывать обращением в интеллигенции. Иначе в на-

зоблачались космополиты. Хотя по должности, которую он занимал, он обязан был это сделать. Я помню, как на одном таком собрании все очень активно нападали на Сергея Юткевича, даже евреи, даже его бывшие друзья-товарищи. Особенно усердствовал Лопский. Я не смогла досидеть до конца его «речи», — меня буквально тошнило от ужаса. Донской был нашим соседом по дому и часто приходил играть с мужем в шахматы. (Ивану обязательно нужно было во что-нибудь играть: в карты, на билларде, в шахматы или...), писать свои сценарии...) Но после этого случая я сказала мужу: «Имей в виду, когда он будет приходить к нам, я могу попросить вас на стол, но я уйду, так как ни общаться, ни просто быть в одной комнате с ним не хочу».

— Расскажите, пожалуйста, о близких друзьях из актерской среды.

— Я могу гордиться, что моими большими друзьями были такие замечательные артисты, как Борис Андреев, Николай Черкасов, Иван Перевозов, Марк Бернес... К сожалению, мы правы: мало осталось тех, кто тебя давно и хорошо знал. Сравнительно недавно, в апреле прошлого года, не стало Петра Петровича Габовца... Я разговаривала с ним за два дня до его смерти. Он был уже очень болен, но, уходя, нашел в себе силы сказать мне слова, которые сделали меня счастливой... И я тогда подумала: каким солнцем может быть человек и какой прекрасной могла бы быть жизнь...

В тот день он сказал: «Во всех компаниях, где мы были, ты была исключением: общалась: веселая, остроумная, не позволяла себе ни на кого жаловаться, не сводила никакие сче- ты... — аристократка духа. Я тебя всегда защищал от нападения этих злых баб... которые из зависти отравляли тебе жизнь. Был бы доволен Габовцем: какой у тебя голос, какая дикция. Ты украсила жизнь — живи подольше. Ты светишь своей жизнерадостностью, своим умом, своим красивым голосом — и свети нам всем подольше...»

Марина Ладьянина — очаровательная Паша («Свинарка и пастух», 1941).

ботать на сцене. «Зачем вам на сцену? — сказал он. — Вы и так уже как на сцене: вас узнают, почти аплодируют...»

Я обрешалась в разные театры и с ужасом убедилась, что даже мой популярности не являлась для меня «плюсом». «Я с удовольствием взял бы тебя», — говорил мне следующий режиссер. — Но меня разорвут на части мои первые актрисы — жена и любовница». «Или я, или она», — ставила ультиматум прима театра имени Вахтангова Рубену Симонову. У других главных режиссеров находились еще более «веские» причины для отказа... Одному нужно было взять актрису, пещу мужа которой, известного на всю страну поэта и драматурга, собирался ставить театр, второму — чтобы уже мой муж что-то сделал для его труппы, третий — «вообще не любил и боялся киношников». Говорят, что нет таких ситуаций, из которых не было бы выхода. Со временем я поняла, что есть... Мне было очень горько от всего этого. А ходить по инстанциям, просить чиновников, заводить новые знакомства... я никогда не умела.

— Что предлагали кинорежиссеры?

В большинстве того, что предлагали, не было никакой темы, так — отдельные кадрики, никакой психологии, одно «сплошное строительство коммунизма». Это было не кино и не театр, а какой-то новый вид искусства... Было несколько неплохих предложений, которые я по тем или другим причинам не приняла. (Я всю жизнь была склонна к ошибкам, — возможно, я ошиблась, отказавшись от них.) Еще и просто не везло... в 1965 году я снялась в телевизионном фильме «Люди остаются людьми» по повести Пилляра — его «положили на полку». Очень хотел меня снимать Родион Нахапетов, но когда мы встретились, то оказалось, что я выгляжу гораздо моложе, чем он себе представлял. Никита Михалков спрашивал: «Согласитесь ли вы? У меня есть для вас роль в фильме по Лермонтову». Кажется, он должен был быть «Герой нашего времени». Но в результате снимать его так и не стал. Все время что-нибудь запрещали...

ним. И еще, мне кажется, они сумели разглядеть в моих неприязненных ролях меня саму, мой характер...

— Что всегда помогало вам в жизни?

— Прелесть всего — мое чувство юмора. Когда мне бывало особенно трудно, я иронически

не действовало. Писать книгу только для того, чтобы еще раз себя утвердить, — это не для меня. Я не хочу заниматься саморекламой. Я не считаю популярности мерилем чего-то настоящего. С тех пор как меня однажды чуть не развалила толпа, я массовые комплимен-

В роли Бояевской. Спектакль «Варяры» (1970).

ты не ставлю ни во что... несмотря на мешки писем, у меня никогда от этого не кружилась голова, я оставалась трезвой. Другое дело — внимательная, уважительная к твоему труду любовь зрителя. Но и ее я считала скорее проявлением любви нашего народа к искусству, а не любовью к артисту, лишена тщеславия... Когда в прошлом году меня пригласили участвовать в концерте «Великие и неповторимые», я пошутила: «Великой я себя не считаю, но что неповторимая — это точно».

— Это не излишняя скромность?

— Понятие «скромность», как и все нормальные, непонятные человеческие качества, давно уже в определенных кругах стало каким-то постыдным. А естественным кажется — рабой, хаос. Быть скромной в приличном уже возрасте — стыдно. А нескромные — молодцы. Они осматривают всех своих мужей и любовни-

Марина Ладьянина в роли Пересетовой. Знаменитые «Кубанские казаки» (1950).